

Д.А.Воробьев, Б.Н.Ковалев

СТАРОСТА В ОККУПАЦИОННОЙ АДМИНИСТРАЦИИ ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Статья посвящена деятельности старост на оккупированной территории Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны. Рассмотрена фигура сельского старосты как связующего звена между системой оккупационной администрации и мирным населением оккупированных районов. На основе анализа ранее не введенных в научный оборот документов из Центрального государственного архива Санкт-Петербурга автор делает вывод о том, что староста мог проводить разную политику по отношению к мирному населению (попоянную, умеренную или жесткую).

Ключевые слова: Ленинградская область, Великая Отечественная война, оккупационная администрация, староста, коллаборационизм

Великая Отечественная война стала для советского народа тяжёлым испытанием, особенно для граждан, находившихся на оккупированной немецкими войсками территории. В этих районах оккупанты устанавливали «новый» режим для мирного населения, создавая для этого специальные органы администрации. На сегодня вопросы деятельности оккупационной администрации, и в частности старост, в годы Великой Отечественной войны недостаточно изучены. Староста был важной фигурой в администрации, поскольку отвечал за хозяйство и продовольствие своей территории. Благодаря ему немецкая армия получала необходимое снабжение для ведения боевых действий. Именно старосты отвечали за взаимодействие оккупационных властей с мирным населением. В каждом случае этот процесс проходил по-разному в силу того, что Ленинградская область — регион специфичный, поскольку в нём проживали не только русские, но и другие народы (в северо-западных, северо-восточных районах области проживали финны, в западных районах — народы из Прибалтики). Каждый из этих народов по-своему встретил приход войск Третьего Рейха в этот регион, и в оккупированных районах Ленинградской области построение отношений между оккупационной властью и мирным населением проходило по-разному.

Немецкие войска начали оккупацию Ленинградской области с июля 1941 г. Противник продолжал наступление до октября 1941 г., а в декабре 1941 г. — январе 1942 г. линия фронта была стабилизирована. На тот момент фашисты оккупировали 47 районов полностью и 12 районов частично [1, с. 77]. Некоторые из районов советские войска смогли освободить в ходе наступления в ноябре 1941 — январе 1942 гг. В связи с этим фактом стоит отметить, что в историографии об оккупационной администрации существует дискуссия по поводу времени создания ее органов, в том числе и института старост, — произошло ли это сразу после захвата территории или спустя некоторое время. Первой точки зрения придерживаются такие ученые, как Г.И.Ермолов, Б.Н.Ковалёв и др. Они утверждают, что с первых дней войны на оккупированной территории Ленинградской области немецкое военное командование начало утверждать уже сельских старост в деревнях и селах, а также волостных старшин. В подтверждение тому Ковалёв ссылается на пример со старостами, утвержденными в г. Любань [2, с. 127-128], в то время как Ермолов в своей книге не приводит никаких примеров [3, с. 48]. Второй точки зрения придерживаются такие историки, как М.И.Фролов, В.Н.Скворцов, Е.П.Абрамов и др. В своем совместном труде «Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.» они утверждают, что в первые дни войны органы оккупационной власти возникли не везде, поскольку в то время только стали появляться военные комендатуры, которые поначалу неохотно брали к себе на работу людей, знающих свою местность. В качестве примеров они приводят Киришский и Чудовский район, оккупированные в октябре 1941 г., в которых в первоначальный период оккупации не действовали органы гражданской власти, и вся власть в это время была под контролем военных комендатур [1, с. 79-80].

Отчасти стоит согласиться и с той, и с другой точками зрения. Действительно, органы гражданской власти стали появляться в первые месяцы войны. На это время как раз выпадает создание административных единиц «волость» и «деревня», руководителями которых были волостной старшина и сельский староста соответственно. Произошло это по той причине, что немецкое командование плохо знало эту территорию, к тому же план молниеносной войны у Третьего Рейха в первые месяцы войны сорвался. Потому ему пришлось пойти на долговременное сотрудничество с местным населением оккупированных районов и начать создавать органы администрации. При этом в первые месяцы войны эти органы были созданы не везде. Например, в Киришском и Чудовском районах, а также в г. Шлиссельбург органы гражданской власти не были тогда созданы, поскольку в этих местах велись ещё активные боевые действия и власть в данном случае могла быть только в руках военных комендатур [1, с. 80]. Эта же ситуация касалась и сельских старост.

Как уже упоминалось, староста являлся руководителем деревни или села. Сельская община являлась первичной и самой маленькой единицей в оккупационной администрации. В качестве помощников у старосты были писарь, казначей, а также несколько полицейских, которые осуществляли полный контроль населенного пункта. Так, у старосты деревни Шоломино Осьминского района Ленинградской области Ивана Кондратьева на службе находились казначей Николай Николаев и полицейский пристав Александр Николаев, который впоследствии станет старостой деревни [4, л. 2].

Как проходило назначение старост? В оккупированных районах Ленинградской области, в основном, их назначало немецкое военное командование без проведения выборов, на местах. Так, в деревне Соколки Осьминского района старостой был назначен Николай Данилов, уроженец этой деревни, военным командованием 19 декабря 1941 г. [5, л. 1]. Выборы старост имели место, но это было редкостью. На них могли допустить только взрослых мужчин, кандидатуры которых одобрялись немецким офицером. После этого проходили выборы в присутствии немецкого офицера при помощи открытого голосования. Упомянутый выше Александр Николаев является таким примером. Сохранился журнал собраний деревни Шоломино Осьминского района, в котором есть запись о выборах старосты от 3 мая 1942 г. В ней говорится о том, что в этот день решался вопрос о выборах нового старосты. Кандидатура Александра Николаева была одобрена немецким командованием. В результате голосования Николаев был избран старостой деревни Шоломино [6, л. 1]. Были случаи, что на выборы старост выставляли более 2 кандидатов. Так, в протоколах собраний деревни Межно есть запись о выборах старосты этой деревни. На них были выдвинуты следующие кандидаты — Васильев П.П., Кузнецов Н.Ф., Ильин А.А., Волков Н.Н. В результате голосования был избран единогласно Васильев [7, л. 2 (об)].

Как немецкое командование отбирало среди мирного населения старост? Основными критериями для отбора старост были хотя бы частичное знание немецкого языка, легкость произношения фамилии, лояльность к Третьему Рейху. Старост чаще всего выбирали из числа людей, которые были обижены советской властью до войны. Этот фактор отражает отчасти характер проводимой политики старост на оккупированной территории. Примером тому будет служить Иван Иванович Шлегель, который был старостой деревни Семибрачино в Мгинском районе Ленинградской области. Родился он в 1899 г. в немецком Поволжье в Краснопутском районе, по национальности — немец [8, л. 2]. До войны постоянно проживал в Архангельске. Был дважды судим: в 1935 г. по статье 61 ч.2 УК СССР («Отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение») на 6 месяцев и по статье 72.1 УК СССР («Подделка удостоверений и иных выдаваемых государственных и общественными учреждениями документов, предоставляющих права или освобождающих от повинностей, в целях использования их как самими поддельщиками, так и другими лицами») с 14 сентября 1937 по 14 сентября 1940 г. [8, л. 12]. Отбывал наказание в Лычковском районе. После освобождения переехал в Шлиссельбург. Во время его оккупации 22 октября 1941 г. был немецким командованием назначен старостой деревни Семибрачино [8, л. 1]. Он проводил на своей территории жестокую политику к мирному населению, брал с жителей все, что могло пригодиться для немецкой армии для ведения боевых действий. За неподчинение мог убить человека. Его судьба сложилась печально — погиб в 1943 г.

На основании сохранившихся документов оккупационных властей можно составить представление о круге обязанностей старост:

- они проводили на своей подконтрольной территории сбор налогов;
- сообщали о проявлениях антинемецких настроений на своей территории в нацистские службы;
- доводили до мирного населения приказы, указы немецкого командования, а также распространяли идеи фашизма;
- организовывали сельскохозяйственные работы, привлекали мирное население на различные виды работ (оборонительные, дорожные и др. виды работ);
- проводили учёт всего мирного населения, выявление подозрительных элементов;
- проводили розыски военнослужащих РККА, партизан, подпольщиков, партийных работников, членов ВКП (б);
- реквизировали у мирного населения сельскохозяйственную продукцию и оружие, а также проводили поиски военных и продуктовых складов;
- для реализации данных действий они организовывали из числа местных жителей вспомогательную полицию и поддерживали на подконтрольной территории внешний порядок [2, с. 145].

Все эти функции староста выполнял под контролем жандармерии, комендатуры и полиции. Кроме того, он давал письменное обязательство выполнять распоряжения оккупационной администрации. Таким образом, староста, имея ряд важных обязанностей и выполняя их, находился под строгим контролем немецких властей.

Какие права имел староста? Он имел право наложить денежный штраф до 1 000 рублей, наказывать провинившихся за маловажные проступки, сажать под арест и отправлять на принудительные работы сроком до 14 дней. Более тяжкие наказания определялись немецким командованием. Староста мог при себе иметь оружие при наличии удостоверения сроком на 1—3 месяца. Кроме того, он и его служащие имели право проезжать по своей волости без немецких пропусков, поскольку у них при себе были удостоверения с указанием, что они работают на немцев. Также староста решал, мог ли житель села или деревни выехать за его пределы [2, с. 145].

Однако особенности проводимой старостами политики в оккупированных районах Ленинградской области отличалась в зависимости от того, как близко район располагался к фронту. Б.Н.Ковалёв в [2] выделяет 3 зоны оккупации территории СССР:

1. Первая зона — это территория, непосредственно примыкавшая к району боевых действий (30—50 км), характеризовалась наиболее жестким административным режимом.

2. Вторая зона с более умеренным административным режимом располагалась от первой глубиной в 50—70 км.

3. Остальная оккупированная территория называлась третьей зоной. Административный режим на этой территории был общим [2, с. 126-127].

Этот фактор играл важную роль при проведении оккупационной политики всеми административными органами, в том числе и старостами. Они могла проводить жесткую, умеренную или мягкую для населения политику (последняя характерна для тех старост, которые работали как на оккупантов, так и на советские подпольные органы и партизанские отряды).

Порой старосты своих деревень проявляли не меньшие зверства, чем немецкие солдаты. Так, староста деревни Васильковичи Оредежского района Гавриил Богданов приговорил к расстрелу троих детей за то, что они украли немецкий фонарик и забирали с собой другие мелочи. Надо сказать, что на оккупированной территории кража каких-либо вещей, продовольствия, особенно того, что принадлежало оккупационной власти, очень строго каралась. Старосты на своей территории также всячески пресекали подобное, что и показывает вышеприведенный пример [9, с. 224].

Известны случаи, когда старосты тоже незаконно присваивали какие-либо вещи или ресурсы. В качестве примера стоит привести действия старосты деревни Каушты Красногвардейского района Иришкова. В документах оккупационных властей этого района сохранилась докладная записка городскому голове от начальника сельхозотдела Городской Управы г.Вырица С.С.Дрездова, согласно которой Иришков присвоил часть сельхозпродукции. 10 октября 1942 г. он получил из Городской Управы г.Вырица семенной ржи 250 кг, однако посеял только 225 кг, а остальные 25 кг оставил себе. 14 октября 1942 г. он получил из Вырицы 1600 кг картофеля, чтобы прокормить население деревни Каушты, однако выдал только 1425 кг картофеля, а остальные 175 кг картошки присвоил. Неизвестно, был ли он наказан впоследствии за такое деяние, поскольку на данный момент не сохранилось никаких постановлений о дальнейшей судьбе Иришкова [10, л. 26].

На оккупированной территории некоторые старосты сотрудничали одновременно с немецкими властями и подпольными советскими организациями, с партизанскими отрядами. Одним из таких был староста деревни Стаи Оредежского района Федор Герасимович Кузьмин, который был председателем одноименного колхоза. Однако судьба таких старост заканчивалась порой трагически, поскольку рано или поздно оккупанты узнавали о его связях с партизанами. Так и случилось с Федором Кузьминым: за связь с партизанским отрядом его расстреляли в 1942 г. [9, с. 232].

Некоторые старосты смогли пережить войну, несмотря на такие тяжелые условия. Об этом может свидетельствовать воспоминание партизана Михаила Георгиевича Абрамова в его мемуарах «На земле опаленной». Абрамов участвовал во многих партизанских отрядах, которые действовали в Ленинградской области в годы войны, был редактором партизанских газет «Большевистское знамя» и «Партизанская месть», членом Лужского подпольного окружкома ВКП(б). Он вспоминал в 1942 г., что в деревне Лединки, расположенной в Лужском районе, был один староста (имени и фамилии его неизвестно), который неохотно, но сотрудничал с партизанским отрядом, в котором был Абрамов. Неохотно он сотрудничал, потому что боялся, как бы его и мирное население деревни не перебили фашисты. Несмотря на это, он помогал партизанским отрядам продовольствием, распространением материалов из подпольных организаций [11, с. 141]. Впоследствии он пережил войну и смог наладить свою жизнь.

Некоторые старосты ревностно работали на немецкие власти. Более того, устраивали облавы на красноармейцев, подпольщиков и очень жестоко обращались с мирным населением на своей подконтрольной территории. В воспоминаниях М.Г.Абрамова есть сведения о старосте села Поддорье Василии Баранове. Абрамов о нём пишет, что он был пьяницей, а до войны — вором. Немецкое командование назначило его старостой Поддорья в 1941 г. Вместе со своей женой следил за населением, выдавал партизан, красноармейцев, и фашисты их убивали по спискам, которые составлял Баранов с женой. Как писал Абрамов, Баранову было мало чина «сельского старосты», он хотел подняться выше по «карьерной лестнице» в оккупационной администрации и поэтому всячески старался выслужиться перед немцами. Осенью 1941 г. его жену убили партизаны, а Баранов успел сбежать в Старую Руссу, где он некоторое время заведовал городской баней. Таких старост обычно ждала печальная судьба, Баранов не стал исключением. При отступлении немцев в 1943 г. Баранов ими же и был убит [11, с. 40-41].

Как показывают приведенные выше примеры, судьба сельских старост в годы Великой Отечественной войны складывалась по-разному. Обычно если староста вел по отношению к жителям жестокую политику, в большинстве случаев таких людей ждала смерть (как от рук сограждан, так и немцев) или тюрьма. Но кто-то умудрялся избежать наказания и начать новую жизнь после войны. Судьба старост, которые работали на немецкие власти и одновременно контактировали с подпольными советскими организациями, с партизанскими отрядами, сопереживали советской власти, также отличалась. Кто-то из этих людей после войны был посажен в тюрьму на долгий срок и только спустя долгое время смог выйти на свободу и начать новую жизнь, а кто-то смог избежать тюрьмы и после войны продолжить работать с чистой совестью (это были те, кто хорошо обходились с мирным населением и старались уберечь его).

Несмотря на то, что староста имел немалую власть над мирными жителями, он подвергался опасности как со стороны коммунистов, партизан и красноармейцев, так и со стороны немецких властей. При этом они выполняли поставленные оккупантами задачи по обеспечению продовольствием фашистской армии. Благодаря им немецкие власти смогли создать на оккупированной территории Ленинградской области подконтрольные им дееспособные органы власти в сельских населенных пунктах. Однако были старосты, которые де-юре работали на оккупационные власти, а де-факто сотрудничали с их противниками.

1. Сковрцов В.Н., Абрамов Е.П., Бочков Е.А. Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. СПб., 2014. 271 с.
2. Ковалёв Б.Н. Коллаборационизм в России в 1941—1945: типы и формы. Великий Новгород, 2009. 371 с.
3. Ермолов И.Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941—1944. М., 2010. 383 с.
4. Центральный государственный архив г. Санкт-Петербург. Ф. Р-3355. Оп. 9. Д. 8.
5. Центральный государственный архив г. Санкт-Петербург. Ф. Р-3355. Оп. 9. Д. 21.
6. Центральный государственный архив г. Санкт-Петербург. Ф. Р-3355. Оп. 9. Д. 11.
7. Центральный государственный архив г. Санкт-Петербург. Ф. Р-3355. Оп. 4. Д. 96.
8. Центральный государственный архив г. Санкт-Петербург. Ф. Р-3355. Оп. 16. Д. 6.
9. Ленинградская область в годы Великой Отечественной войны: сборник архивных документов. 1941—1944 гг. СПб., 2015. 288 с.
10. Центральный государственный архив г. Санкт-Петербург. Ф. Р-3355. Оп. 10. Д. 85.
11. Абрамов М.Г. На земле опаленной: страницы из дневников партизана. Л., 1968. 352 с.

References

1. Skvortsov V.N., Abramov E.P., Bochkov E.A. Leningradskaya oblast' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941—1945 gg. [Leningrad Region during the Great Patriotic War of 1941—1945]. Saint Petersburg, 2014. 271 p.
2. Kovalev B.N. Kollaboratsionizm v Rossii v 1941—1945: tipy i formy [Collaboration in Russia in 1941—1945: types and forms]. Velikiy Novgorod, 2009. 371 p.
3. Ermolov I.G. Tri goda bez Stalina. Okkupatsiya: sovetskiye grazhdane mezhdru natsistami i bol'shevikami. 1941—1944 [Three years without Stalin. Occupation: Soviet citizens between the Nazis and the Bolsheviks. 1941—1944]. Moscow, 2010. 383 p.
4. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv g. Sankt-Peterburg [Central State Archive in Saint Petersburg]. F. R-3355. Op. 9. D. 8.
5. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv g. Sankt-Peterburg [Central State Archive in Saint Petersburg]. F. R-3355. Op. 9. D. 21.
6. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv g. Sankt-Peterburg [Central State Archive in Saint Petersburg]. F. R-3355. Op. 9. D. 11.
7. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv g. Sankt-Peterburg [Central State Archive in Saint Petersburg]. F. R-3355. Op. 4. D. 96.
8. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv g. Sankt-Peterburg [Central State Archive in Saint Petersburg]. F. R-3355. Op. 16. D. 6.
9. Leningradskaya oblast' v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: sbornik arkhivnykh dokumentov. 1941—1944 gg. [Leningrad region during the Great Patriotic War: a collection of archival documents. 1941—1944]. Saint Petersburg, 2015. 288 p.
10. Tsentral'nyy gosudarstvennyy arkhiv g. Sankt-Peterburg [Central State Archive in Saint Petersburg]. F. R-3355. Op. 10. D. 85.
11. Abramov M.G. Na zemle opalennoy: stranitsy iz dnevnikov partizana [On the scorched land: pages from partisan diaries]. Leningrad, 1968. 352 p.

Vorob'ev D.A., Kovalev B.N. Village headman in Leningrad region as a representative of Nazi administration during the Great Patriotic War. The paper is aimed at the study of activities of the village heads on the occupied territory of the Leningrad region during the Great Patriotic War. Village heads were the representatives of local German administration. On the basis of the analysis of previously unstudied documents from the Central State Archive of St. Petersburg, the author concludes that village heads pursued different policies towards the civilian population (loyal, moderate or tough).

Keywords: Leningrad region, The Great Patriotic War, German administration, village head, collaboration.

Сведения об авторах. Дмитрий Александрович Воробьев — студент 2-го курса магистратуры кафедры истории России и археологии Гуманитарного института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого; ORCID: 0000-0001-8061-0607; dmitrij_vorobev_96@mail.ru; Борис Николаевич Ковалев — д. ист. н., профессор кафедры истории России и археологии Гуманитарного института Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН; ORCID: 0000-0002-1904-1844; bnkov@mail.ru.

Статья публикуется впервые. Поступила в редакцию 10.02.2020. Принята к публикации 25.02.2020.